

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И СТРАТЕГИИ РАЗРЕШЕНИЯ)

*Работа представлена кафедрой философии РГПУ им. А. И. Герцена.
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор В. И. Стрельченко*

В статье ставится вопрос о том, в компетенции какой из дисциплин находится определение эпистемологического статуса социальных противоречий и конфликтов. Сущностные характеристики истории как места развертывания противоречий и конфликтов рассматриваются в связи с методами сравнительно нового направления – социальной эпистемологии. Делается вывод о том, что построение социальной эпистемологии как философской дисциплины позволит ей обратиться к исследованию исторического сознания, а также к историческому, псевдоисторическому и внеисторическому знанию как продуктам исторического сознания, несущим в себе знание о социальном противоречии и социальном конфликте.

Ключевые слова: *социальный конфликт; глобализация; политический конфликт; разрешение конфликта; антропологическая традиция.*

К. Lipakov

SOCIAL CONFLICT IN THE GLOBALISATION CONTEXT (FEATURES OF FORMING AND STRATEGIES OF SETTLEMENT)

The article is focused on the question: what discipline has a competency to define the epistemological status of social collisions and conflicts. The essential characteristics of history as areas of conflict expansion are considered in connection with the methods of a relatively new branch of knowledge – social epistemology. The author comes to a conclusion that constructing of social epistemology as a philosophical discipline would enable it to investigate the historical consciousness and also such by-products of the historical consciousness as historical, pseudo-historical and non-historical knowledge, which are loaded with the knowledge of social contradictions and conflicts.

Key words: *social conflict, globalisation, political conflict, conflict resolution, anthropological tradition.*

Сообщества глобального мира особенно отчетливо дифференцируются в конфликтно-генных ситуациях, что затрагивает практически все формы сообществ – от интеллектуальных групп до этнических образований. В таких случаях актуализированы социальные формы и «знаковые образы» сообществ, влияющие в конечном счете на перераспределение собственности в глобальных финансово-экономических отношениях [2]. Поэтому при рассмотрении социальных конфликтов важно иметь в виду тот факт, что в бли-

жайшее время есть основания ожидать появления еще более жестких форм эксплуатации человека и природы – конфликтность существования имеет тенденцию к неконтролируемому росту.

Важно понять теоретические компоненты конфликтов, что чрезвычайно значимо для мирового информационно-электронного «обмена» – «виртуальная экономика» ведет к росту «символического капитала», в обязательном отношении к которому задействован тот или иной конфликт. Поэтому любой по-

литический конфликт имеет в своей основе различие и противоположность экономических интересов, которые прежде проходят через сознание и захватывают область идеологии и социально-философской теории. Господствует экономический расчет – формируется постглобальный мир с его доминантами региональных стратегий, локальными противоречиями, этнорелигиозным терроризмом*. В пределе могут быть «теоретически» смоделированы конфликтогенные процессы – информационное пространство производит и воспроизводит символические планы и акции, которые могут иметь весьма отдаленное отношение к тому, что происходит в действительной жизни сообществ.

Наиболее крупными субъектами социального конфликта выступают *государства*. Конфликт может возникать между этническими *группами* внутри общества, имеющего государственность. Особенно важна в таком случае полиэтничность региона: формой «культурного реванша» выступает именно формирование регионального самосознания: когда региональное сознание центрировано социально-этнически, в нем могут возобладать конфликтогенные импульсы. Общим полем актуализации современной конфликтности может выступать не суверенное государство, а «глобальная империя» (М. Хардт, А. Негри). Сегодня ситуация такова, что в ней во множестве случаев видна победа тех моделей существования социума, в которых актуализирована противоречивость и конфликтность – конфликт «размещен» в пространстве постглобализации.

Хотя мир современности предельно противоречив и по ряду позиций антагонистичен, он до известной степени организован как целое – организован хотя бы в том смысле, что испытывает общие потрясения и переживает общие опасности экологических, антропологических и гуманитарных катастроф, религиозные войны и этнические конфликты, постоянное деструктивное присутствие террора**. Важной задачей социальной философии является прояснение «смысла и назначения» внутреннего диалога истории, который включает в себя не только ценности

традиционной культуры, но и устойчивые «новые» ценности современной цивилизации глобального мира. При этом соотношения *национального* и *интернационального* проявлено на *глобальном*, *национальном* и *локальном* уровнях. Усиливаются позиции «нового регионализма», соединяющего глобальное и локальные пространства культурно-цивилизационного мира. Компонент культурно-цивилизационного регионализма имеет важный политический смысл в ситуации современности.

Для социально-философского знания сегодня по многим положениям очевидно, что отсутствуют классические «синтетические решения» происходящих с глобализации конфликтов. Для решения глобальных проблем необходим многоступенчатый сценарий, который предполагает постепенное освобождение, саморазвертывание и усиление культуросозидающих сил» [5]. Иными словами, необходим переход к регулируемому мировому сообществу не на основе господства или угрозы подавления, а на основе «диалогического сценария» глобального развития. Таким образом, проблема культурно-цивилизационных стратегий глобализации, может быть конструктивно рассмотрена лишь исключительно в *диалогическом* поле. Осмысление этого сложного процесса осуществляется прежде всего в сфере *социально-философского* знания, которое обращено к решению глобальных проблем современности в аспектах власти, понимания и возможностей решения экологически и политических проблем. Сами проекции «дискурса конфликта» могут быть конструктивны, когда они ориентированы диалогически. Но простое осознание необходимости диалога существенно затруднено историческим противоречиями и современными рецепциями разных культур, тем более что в настоящее время все больше появляется, с одной стороны, «пограничных людей», а с другой стороны – усиливаются жестко выстраиваемые идентификационные (религиозные, этнические, гендерные, профессиональные, возрастные) стратегии внутри культурно-национальных и государственных образований – культура не существует в чистом про-

странстве и лишенном жизненного содержания времени.

В традиции отечественной мысли евразийцы демонстрировали несводимость культурно-исторического «организма» к общим понятиям о социальных общностях и формах: наследуется «органическая линия» воззрений на общество, где структура воспринимается как живой и неразложимый организм. Именно эта органичность сохраняется в живой памяти поколений, не переходя в простое собирание воспоминаний. Традиция целиком опосредует интеллектуальные пространства суждения и в их числе образовательные пространства – привилегированные места трансляции и обмена знания. В таком случае подлинным субъектом является «историческое существо» или «культурно-исторический организм» со своим «жизненным ландшафтом», оказывающимся как бы первичной расположенностью рефлексии переживания. Именно этот *дореклексивный* смысл должен быть учтен при определении причин конфликта – без его учета невозможен прогноз и разрешение противоречия. Народ понимается в таком случае как сверхиндивидуальный организм («симфоническая личность»). Поэтому должны быть выделены именно бытийно-этические феномены жизни, когда возникает проблема самосохранения народа. Это может быть сопоставлено с существующими до всякой индивидуации intersубъективными опосредованиями – история, язык, институции, традиция выступают как актуализации множественного единства. Именно вследствие этого в ситуации множественности сообществ острейшим образом встает проблема приведения к общности: каким образом можно говорить о единстве человечества роста конфликтности современного глобального мира?

Познание культуры может быть осуществлено через познание *Другого*, которое может быть осуществлено только в *диалоге* – именно понятие *другого* прочно укореняется в «философии диалога». Оно же становится одним из базовых в глобалистике и философии современности. Без обращения к этому понятию невозможно понимание путей вы-

хода из конфликтных ситуаций. Ведь в противном случае инстанция участника конфликта рассматривается либо как исторически или культурно релятивная, либо наделяется трансисторическими полномочиями. Позиционность *Другого* («другой исторической эпохи») задает и определенность самого *конфликтолога-аналитика*, определяющего свое место именно в силу отличия себя от другого. Известно, что исторические факты не столько находятся, сколько конструируются (то есть представление о факте не является чем-то стационарным, но также весьма изменчиво в зависимости от историко-культурных установок. Тема диалога культур, таким образом, неотделима от решения конфликтов современности, причем возможны самые разные подходы внутри предельно общего проблемного поля этой тематики. Диалог противостоит тем программам и проектам, которые ориентированы на создание социально-деструктивной ситуации в обществе.

Особо важным в ситуации глобализации является установление диалогических отношений между *культурно-национальными* стратегиями самоопределения. Диалогическая философия в обстановке этого кризиса осуществила прорыв за пределы классического идеала рациональности», который был ориентирован на понимание философии как рефлексивного усилия. Такой взгляд дает возможность сводить позиции понимания в ситуации глобальной разобщенности, которая в настоящее время захватывает человеческое существование***. Современная, полная противоречий и конфликтов фаза развития человечества, открывая немало новых перспектив и возможностей, в то же время кардинальным образом изменила планету и поставила перед людьми трудноразрешимые, не имеющие в прошлом аналогов проблемы и грозит всевозможными потрясениями и катаклизмами.

Человек в известной мере оказался биологически не в состоянии унять за все ускоряющимися темпами жизни – в том числе за стремительно размножающимися вирусами конфликта в информационном и виртуальном пространстве глобализации. Небыва-

лые темпы культурно-цивилизационного роста стали требовать от людей и сообществ все новых и новых жертв: интенсификация труда, конвейеры, разрушение привычных ритмов жизни оборачиваются психологическими напряжениями, нервными перегрузками, стрессами, алкоголизмом, наркоманией, болезнями, неконтролируемой миграцией, постоянным наличием беженцев, неукорененных в той или иной традиции и способных становиться «свободными радикалами» конфликтов ****.

Рост социальной противоречивости и насилия в XX в. соответствует или даже обгоняет общую тенденцию ускорения темпов движения общества. Этот рост в XX–XIX вв. стал доминирующей тенденцией мирового развития, значительно потеснившей на задний план стремление к утверждению принципов ненасильственного мира. И дело здесь не только в прямых военных столкновениях. В глобальном мире люди не только не научились предотвращать насилие в самых разнообразных его формах и проявлениях, но во многом утратили и традиционные «вечные» скрепы традиционного и более или менее устойчивого сосуществования культур.

Дело в том, что именно оторванность от жизненно-антропологических традиций оборачивается потерей привычной гармонии, жгучей неудовлетворенностью, фрустрациями, неврозами, наркоманией, преступностью, терроризмом, наконец, самоубийством. Все это имеет непосредственное отношение к переживанию и фактам конфликтов – это можно определить как *аксиологическую катастрофу*, которой свойственны слом ценностных установок и утрату «вечных» ценностей. Последствия этой катастрофы могут быть весьма опасны – насилие становится доминирующей тенденцией мирового сообщества, значительно потеснив стремление к утверждению принципов ненасильственного мира. В этой ситуации радикальному пересмотру подвергаются даже ценности Просвещения, с которыми соотносят стратегии роста насилия и деструкции – появляется особого рода универсализированный дискурс насилия [4, с. 15]. Эта ситуация радикально противостоит уста-

новкам диалога культур и ориентации на понимание. Поэтому при решении глобальных вопросов современности вопроса о конфликтности глобализации в первую очередь – имеет смысл обратиться к *политическому диалогу*, воплощающему в себе процесс трансформации конфликта в консенсус.

Признание конфликтности как важнейшей характеристики политики глобального мира вполне естественно, если учесть, что любое человеческое сообщество сочетает в себе интересы самых разнообразных социальных и политических сил. Политику можно рассматривать как арену конкурентной борьбы представителей различных социальных сил за власть, за монопольное право говорить и действовать от имени государства. Однако очевидно и то, что люди, преследующие разные цели и идеалы, не могли бы жить вместе, если бы расходились друг с другом во всех без исключения вопросах. Как показывает исторический опыт, противоречия и борьба перестали бы выполнять функцию двигателя общественно-исторического прогресса, если бы они оставались безысходным и непримиримым *антагонизмом* между людьми. В этом смысле – в полном соответствии с установкой исследования на анализ особенностей формирования и стратегий разрешения социальных конфликтов в контексте глобализации – необходимо рассмотрение основных компонентов «морфологии насилия», что предполагает изучение не только самого *факта* насилия, сколько исследование социального и культурного *текста* и *контекста*. Для пространства информационного общества значим именно текстуальный план конфликтогенности – именно то, как конфликт становится событием в символическом универсуме и способствует росту или ослаблению самого акта конфликта. Конфликт должен быть рассмотрен в пространстве «коммуникативного действия» – ведь самое предназначение гражданского общества в том и состоит, чтобы обеспечить достижение диалога между различными социальными, политическими, религиозными, культурными силами и интересами. Оно в самом себе *имманентно* содержит некие

нормы и институты, способные блокировать разрушительные потенции борьбы различных сил и направить ее в созидательное русло. Именно институты гражданского общества (семья, школа, церковь, общины, различные добровольные организации и союзы) способны играть эту роль. Такая функция, в сущности, чужда государству, и оно прибегает к ее выполнению лишь в том случае, если институты гражданского общества демонстрируют свою неспособность к этому. Здесь основополагающее значение имеет встроенный механизм достижения гражданского согласия.

Средства реализации социального диалога составляют две важнейшие характеристики любых сфер человеческой деятельности, в том числе и политики: это *конфликт* и *консенсус*. В политике есть как согласие и солидарность, так и кровь и насилие. Речь идет о факторах, способствующих, с одной стороны, сохранению и жизнеспособности политической системы, с другой стороны, ее подрыву и соответственно изменению как отдельных институтов, так и всей системы в целом. Поэтому вполне объяснимо, что *событие конфликта* колеблется между двумя крайними интерпретациями, одна из которых трактует политику всецело как результат и поле столкновения конфликтующих интересов, а вторая как систему обеспечения правления, порядка и справедливости в интересах всех членов общества. Но все же определяющее значение имеет тот факт, что *политическое* имеет своей целью взаимосвязь социальных групп, институтов, частных и публичных сфер деятельности людей. Правовое демократическое государство, выступающее в своем идеале как воплощение идей гражданского согласия и выражение всеобщей воли, преследует цель воспрепятствовать тому, чтобы конфликты различных интересов достигали взрывоопасной точки. И механизм его формирования призван обеспечить условия для достижения консенсуса по основополагающим вопросам общественно-политической жизни.

Таким образом, именно диалог в политике призван найти пути и средства разреше-

ния, возникающих в человеческом сообществе конфликтов, примирения и совмещения разнородных и конфликтующих интересов всех членов общества, на основе гражданского диалога, осуществляемого в предельно широком пространстве культурного диалога. Диалог призван создать там, где отсутствует научно-понятийное («целерациональное») объяснение мира, упорядоченную и одновременно объемную даже по меркам глобального мира систему – то есть распространяющуюся на все связи и отношения действительности. Вместе с тем образ диалога – на всех без исключения уровнях своего функционирования – не укладывается в «фигуры логики». То есть, диалог органично связан с формами *психо-социальной* активности, не подчиняющимися правилам «научности рассуждения» о конфликте – задействованы длительно действующие и имеющие органическую природу резервы *социальной* памяти.

Уже в Средние века «искусство памяти» перемещается из риторики в этику, становясь частью благоразумия. Запоминание требует образности, возникает потребность в ярких метках или «местах памяти», способных организовать понимание и диалог поколений. Принципы искусной памяти в средние века должны были стимулировать интенсивную визуализацию многочисленных подобий в напряженной попытке удержать в памяти схему спасения – в многочисленных изображениях *встречи* символически представлена тема «*понимающего диалога*». Культурная память играет роль моста между абстракцией и образом: в памяти зафиксированы отнесенность к пространству и времени, отнесенность к группе, обряды и праздники как первичные формы организации культурной памяти, ландшафты воспоминаний – все содержится в «*помнящей культуре*» [1]. Именно культивирование «искусства памяти» проливает свет на формирование образности культуры в ее принципиальных положениях, всегда могущих быть задействованными в социальных конфликтах.

При исследовании особенностей формирования и стратегий разрешения социальных конфликтов в контексте глобализации спра-

ведливо подчеркивается, что следует различать мировоззрение *личности* и мировоззрение *социальной группы, класса* или *общества*. Но личностное и групповое переплетаются в диалоге – в символическом пространстве формируется определенный психотип как особенная *доминанта* личностного и группового. Поэтому и формирование конфликтного сознания коллектива и каждого его члена происходит как взаимодействие неосознанных представлений, склада ума и умонастроения, личностных и коллективных ценностей и традиций. «Сборка» сообщества возможна на путях взаимодействий – диалог обязательно содержит в себе трансцендентное измерение, существующее в культуре памяти.

Вне процесса коммуникации, вне человеческого общения, вне деятельности по постоянному воспроизведению устойчивых ценностей сосуществования диалога не существует. Но и без соответствующих социокультурных феноменов существование сообществ диало-

гического типа становится невыполнимым. Культурный текст диалогичен – здесь наблюдается родство религии, мифа как ее прформы и культуры – включает в качестве обязательного элемента не только «творения мифа», но и акты постоянного его возобновления. Можно признать, что основополагающим моментом культурно-цивилизационной парадигмы выступает *культурная самоидентификация* субъектов международной системы, проявляющаяся в отстаивании определенного комплекса ценностей, связанных с религией, языком, ментальностью, исторической памятью, определенным типом трудовой этики, социальной памятью трагических переживаний [3, с. 221]. Самоопределяясь в этом плане, любая нация находит свое место в системе международных отношений, основанной на культурно-цивилизационном выборе союзников, партнеров или, наоборот, в определении круга потенциальных неприятелей и конкурентов.

ПРИМЕЧАНИЯ

* «Создание информационного общества означает, в частности, что ложная, провоцирующая, поддерживающая ненависть и вражду к другим нациям и религиям информация может передаваться достаточно быстро. ... Возникает новый мощный рычаг воздействия на все уровни человеческой деятельности» (Природа этнорелигиозного терроризма. М., 2008. С. 256).

** Выделяют следующие признаки терроризма: порождение высокой общественной опасности – публичный характер исполнения – создание преднамеренной обстановки страха подавленности, напряженности; при совершении терроризма насилие применяется в отношении одних лиц, а психологическое воздействие в целях склонения к определенному поведению оказывается на других лиц. К основным особенностям терроризма в России относится применение насилия и устрашения, направленность на достижение политических или социальных целей. Повышенная общественная опасность связана с непосредственной угрозой жизни людей, использованием конспирации как необходимого условия существования террористических структур (Смирнова Е. А. Философское осмысление сущности и причин терроризма // Актуальные проблемы социальной философии. СПб., 2005. С. 163).

*** Ср.: «Проблематика взаимоотношений языковой системы и родовой системы как раз и объединяет позиции таких разных мыслителей как Бахтин и Левинас. ... Оба мыслителя существенно «заземляют» структуры и конструкции смыслопорождения языка, заявляя об их социальном, интересубъективном характере» (Кошмилло О. К. Бахтин и Левинас: Высказывание. Диалог, Коммуникация // Эммануэль Левинас. Путь к другому. Сб. статей и переводов. СПб., 2006. С. 147).

**** «Чужой – это не чужой или посторонний А. Камю, – это не отчужденная личность, а человек, пришедший из другого мира, среды, культуры, сообщества, способный разрушить «наш» гомогенный мир, культуру, бытие» // Природа этнорелигиозного терроризма. С. 168.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо. Память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М., 2004.

2. *Дубин Б.* Интеллектуальные группы и символические формы. Очерки социологии современной культуры. М., 2004.

3. *Карпов Ю. Ю.* Образы насилия в новой и новейшей истории народов Северного Кавказа // Антропология насилия. СПб.: Наука. 221 с.

4. *Савчук В.* Маркиз де Сад – классик Просвещения // Энафф М. Маркиз де Сад: изобретение тела Либертена. СПб., 2005. 15 с.

5. *Соколов Э. В.* Социальные нормы, запреты и стимулы деятельности в мировом сообществе XXI в // Запад или человечество? Историсофия балканского конфликта. СПб., 2000.

SPISOK LITERATURY

1. *Assman Ya.* Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo. Pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti / per. s nem. M. M. Sokol'skoy. M., 2004.

2. *Dubin B.* Intellektual'nye gruppy i simvolicheskkiye formy. Ocherki sotsiologii sovremennoy kul'tury. M., 2004.

3. *Karpov Yu. Yu.* Obrazy nasiliya v novoy i noveyshey istorii narodov Severnogo Kavkaza // Antropologiya nasiliya. SPb.: Nauka, 2001.

4. *Savchuk V.* Markiz de Sad – klassik Prosveshcheniya // Enaff M. Markiz de Sad: izobreteniyete tela libertena. SPb., 2005.

5. *Sokolov E. V.* Sotsial'nye normy, zaprety i stimuly deyatel'nosti v mirovom soobshchestve XXI v. // Zapad ili chelovechestvo? Istoriosofiya balkanskogo konflikta. SPb., 2000.